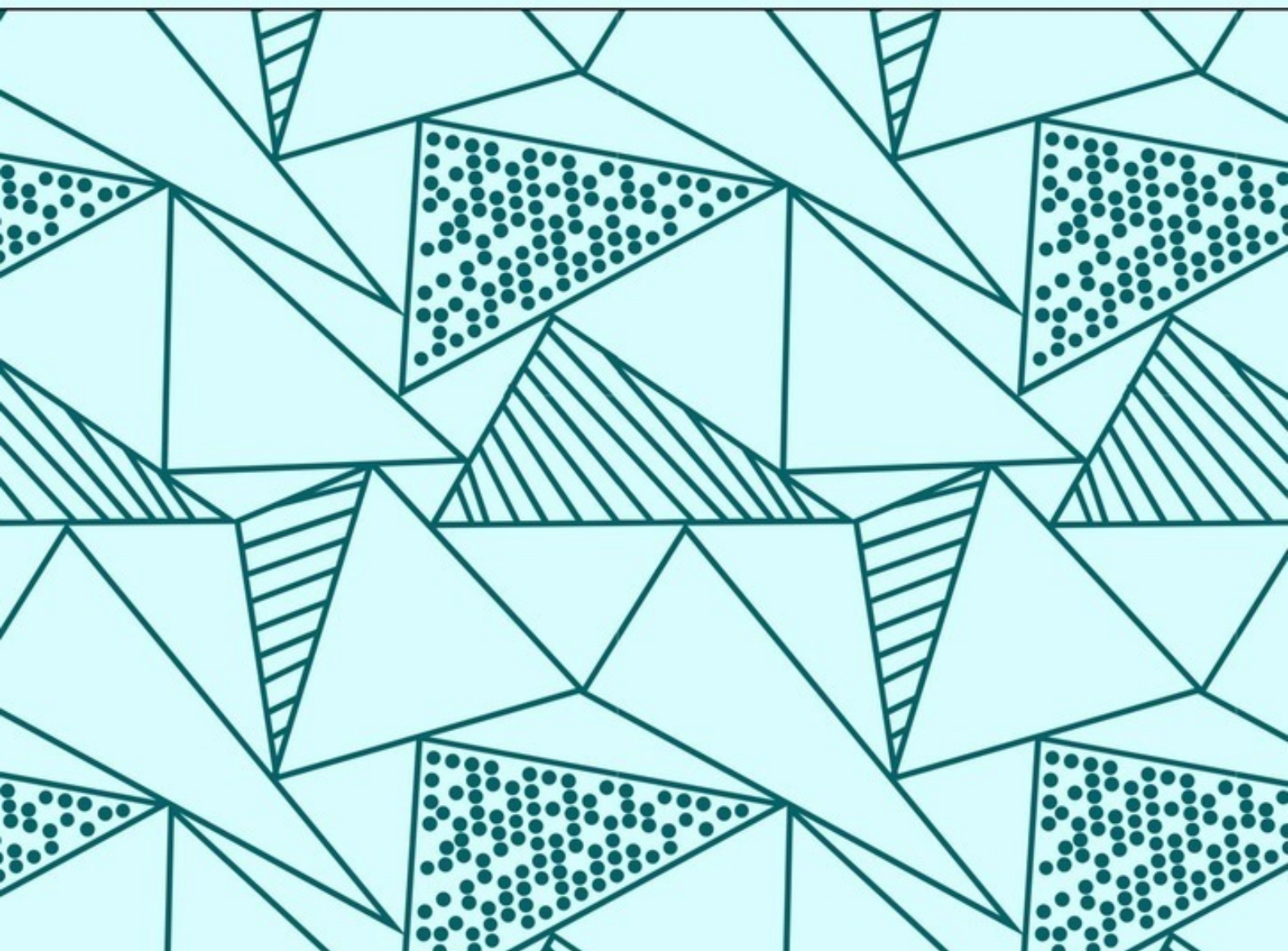

Ирина Пантюхина

Цвет полевой

Книга I. Табия

Ирина Пантюхина

Цвет полевой. Книга I. Табия

«Издательские решения»

Пантюхина И. А.

Цвет полевой. Книга I. Табия / И. А. Пантюхина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856109-2

Книга I трилогии, написана на основе трудов по теософии, эзотерике, психологии, физике, истории, богословию, астрономии, содержащая подсказки-«ключи» к раскрытию тайны — смысла жизни человека. Действие книги разворачивается в XVIII веке на Урале и в Поволжье. Купец Гайдурицкий тяготеет вмешательством матушки в его дела. И желает более разбогатеть. Герои оказываются впутанными в историю, связанную с поиском сокровищ, череды убийств; таинств подземного народа, оберегающего землю от зла.

ISBN 978-5-44-856109-2

© Пантюхина И. А.
© Издательские решения

Содержание

Аннотация	6
О Сатане	7
Предисловие	8
I. Ночное происшествие	10
II. Семья Гайдурицких	14
III. Побирושка	17
IV. В поисках людоморов	19
V. Веденей	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Цвет полевой Книга I. Табия

Ирина Александровна Пантюхина

© Ирина Александровна Пантюхина, 2017

ISBN 978-5-4485-6109-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Вы испытывали когда либо жажду денег, должности, благосклонности человека такую, что готовы убить любого на своем пути? А бывало с Вами так: коллеги, друзья вольно или нет, делали Вас «козлом отпущения»? А что есть наша жизнь? Почему она так несправедлива и заставляет идти на дерзкие, неоправданные поступки?

В этой книге лишь ключи от дверей, что Вы позволите себе открыть и ответить на эти вопросы. Ибо все наши действия, словно партия в шахматы с судьбой. Есть такое определение в игре – *табия* – позиция в шахматах, с достижения которой игроки делают «не книжные» ходы. Так и наши герои, разыгрывают дебют, борются с испытаниями, проходят через трудности, предательства и смерть.

Действие разворачивается в XVIII веке, в России: на Северном Урале и просторах Поволжья. Купец М. Ф. Гайдурицкий, успешный предприниматель, тяготится вмешательством в свои дела матушки. И имеет своим намереньем более разбогатеть. Пускаясь от «во все тяжкие», от случайного знакомого узнает о возможности обогатиться через сиротку.

Герои, обитатели тех краев, оказались впутанными в историю с поиском сокровищ, серию убийств; в таинства подземного народа, вынужденного, теперь, вечно оберегать Землю от зла.

Достанет ли смелости каждому из них, достойно принять испытания? Или пройдут они через страшную черту и тогда, на чьей стороне они окажутся?

О Сатане

«...Лицо его было подобно цветку полевому, глава его была увенчана венцом, который украшался золотом и пресветлыми камнями, одежда его была пречудная.»

*Святитель Игнатий (Брянчанинов). Прибавление к «Слову о смерти».
«О духах, аде и Рае.»*

Предисловие

Взбираясь к Нему, на потухший вулкан, владеющему всеми возможными богатствами и наслаждениями, шла я по узкой лестнице тщеславия. Тернист, беспокоен сей путь. Вначале, нас было множество: вождевших его взора, благодати и звона монет. Уже было приблизились и были обласканы вниманием, властью и золотом. Путь становился все уже. Нас обгоняли страждущие, что имели более сил. Порой, они низвергали с шатающегося, ветхого моста, мешающих им слабаков. И те, с криками и мольбами о помощи, низвергались в бездну. Мы, безмолвно взирали на этот «естественный отбор». От бессонных ночей, без отдыха и полноценной еды даже плохо понимали, что с нами происходит. Вспомнив об ушедших, без эмоций, продолжали свой путь повторяя корпоративную мантру: «Это случилось не со мной... не со мной. Не со мной!»

Шли годы и более молодые вошли в наши ряды. Чем меньше они радели о профессии, чем мизерней были их заслуги и образование, тем жестче и наглее они становились. И вот, мы – давние приверженцы нашего Идола, полетели вниз. Немногие из нас оправились от удара.

Снова очутившись у вождя истока – подножия ложной цели, что так влекла меня своими обещаниями, я удалилась прочь – испытывать Судьбу. Потерянная, нищая духом, оборванная цепкими, острыми когтями бесноватых, напыщенных, уродливых церберов, среди лесных болот и мха – откопала свой похороненный Дух. И вместе, пошли мы скитаться, по неведомым тропам Бытия.

Спустя три года, увидев покаявшуюся и раздавшую долги Душу, открыла Природа нам великую тайну – следы Учителей на заросших чертополохом тропах.

Так начался наш запутанный путь: со множеством загадок, иносказаний, разочарований, открытий и ужасающих откровений. Постижения одной из миллиона Вселенских тайн – смысл жизни Человеческой. Коварная, манила за разгадкой, предлагая неизбежное: пройти сквозь семь кругов ада. И на самом краю, забрав последние силы открывается, вдруг, с осознанием: «Ведаю!»

Пытливый ум, ты не найдешь здесь способа разбогатеть. Но увидишь множество ключей, что приведут тебя в итоге к единственной двери – познания свой жизни и предназначения. Ты не найдешь здесь советов, но лишь подсказки. Ибо это – сокровенная тайна.

Скажешь ты: «Может ли сказка дать ключи к познанию мира, ведь сейчас 21 век?» О, не спеши! Знаешь ли ты, что нейтрино¹ меняет свой спин на противоположный, зная о наблюдении за ним естествоиспытателем? А знаешь ли о том, что электрон, двигаясь из точки А в точку В «заглядывает» в точку В оценивая ситуацию, находясь в двух точках одновременно? О том, что черные дыры плюются своей энергией ты уже слышал. Удивительно, не так ли? И сказка может оказаться не тем, о чем предполагается.

¹ Нейтрино – нейтрончик (итал. neutrino). «Частица-фантом» не имеет заряда, составляет 10% от количества всех «не нейтринных» веществ Вселенной. Пока вы читаете эти строки 10^{14} частиц нейтрино, пронизывают Вас. Полагается, именно они расширяют Вселенную. По гипотезе, существует антинейтрино, что составляют 1/3 от количества нейтрино. По мнению ученых это может быть подтверждением существования минимум, 11 параллельных миров. Даже ада и Рая. Невероятным являясь совпадение: количество падших ангелов составляет 1/3 от армии Архангелов.

I. Ночное происшествие

Морозная ночь ноне выдалась, такая – пар застывал на морде у коней сосулькой. По наезженной дороге, размеренной рысью, ехал крытый возок купца Гайдурицкого Максима Фёдоровича. Небо темное, с малой толикой звездных горошин на небе, «Медведицами» да «Поводырем»² на краешке. От маститых коней, запряженных двойкой, шел пар.

– Барин, никак отстают обоз-то. Можя погодим? Вона как мороз трескуч. Неровен час остановятся. Пронька – то молода еще, поди груз перевесил, не сдюжит. – обратился к барину сидящий на козлах Антипыч, надвигая крепче на уши овечью шапку.

– Ты учи, учи! Лошадь пожалел. В пол версты идут, нагонят. – ответил тягучим низким баском барин.

Возок спускался в ложбинку, показалось Юшкино урочище. Лошадки понесли быстрее – дорога теперь знакома. До теплых купеческих конюшен оставалось шестнадцать верст.

И правда, обоз о трех санях увеличивал ход. Видно, с горки пошли лошади.

– Антипыч, чутя! Слышишь что? – громко крикнул барин в ухо кучеру, приподнимаясь.

Не успел возница ответить, замелькали впереди серые тени. На дорогу, обходя возок по обеим сторонам, бежала стая волков.

– Держись ба-а-ри-ин! – крикнул старик, замахнувшись коротким плетеным кнутом. Воскликнул и огрел оба крупя рысаков. Кони закусали удила и дернули с места возок, и кучера, и барина их. «Эх, поздно! Господи, Спаси и помилуй!» – тяжело застонал кучер.

Матерая волчица, путаясь под ногами пары, метилась укусить за брюхо чубарую³ пятилетку. Стая наскაკивала со всех сторон, напирала выпучивая глаза и скалясь. Лошади, чужа запах волчьей шерсти, обгрызали удила. Пускали пену, ржали, тащили возок невпопад. Дернулись вроде и... встали на дыбы. Возок повалился. Люди вылетели из него в стужу, на расправу зверю. Дико подвывая, с неотвратимой, отдающей смрадом и голодом яростью, набросилась стая на обезумевших лошадей.

Молодой волк, отбившись от общага, опустив морду и ошетилившись, медленно – след в след, шел на двух барахтающихся в глубоком снегу людей. От стаи отделился молодняк, рыча, приближался.

«Погибну, а барина уберегу.» – подумал Антипыч. «Вот, я их отвлеку, пушай грызут – тулуп-то новый. Пока прокусят...» Изловчившись, дотянулся до торчащей в снегу рогатины, упершись обоими руками – рванул на себя. Ветка хрустнула – старик боком повалился в снег. Волки атаковали, вцепившись сразу, втроем. Он затрепыхался в куче, отбивался хрипя.

Со стороны подоспевшего обоза, улюлюкая, бежали люди. Запрыгали неясные блики, послышалась стрельба.

– Бей их, Васятка, с права гони! – орал во всю глотку худосочный мужичек, тыкая из-за упавшего возка горящим нефтяным факелом, в мохнатые морды. Переметнувшись, подскочил влево, схватив барина за шиворот, встряхнул и сгорбившись, потащил к обозу.

– Принимай, Макаровна! Денщик бережно положил барина в возок, подоткнул полы тулупа. Обернулся к лесу и саженью, поспешал к мужикам напрямик.

Макаровна, тридцатилетняя ловкая баба, со знанием ошупала барину голову, руки, ноги, распахнула тулупчик – нет ли ранений? Десять лет назад, Максим Фёдорович ей проходу не давал. Ибо войдя в пору весты⁴, расцвела лазоревым нежным цветком, манила к себе диким,

² «Поводырь» – Полярная Звезда.

³ Чубарая – белая масть лошади с черными овальными пятнами, иногда с розовыми вкраплениями. Копыта полосатые. Хороша для гонок экипажей. Пара ценится дороже чистокровных скаковых.

⁴ Веста – Богиня очага, дева-весталка особо почитаемая 9 июля (рим.). Древнерусское значение – достигшая необходимого возраста и подготовленная к замужеству девица, с ней играли свадьбу. Достигшая возраста, но неподготовленная к замужеству

непокорным нравом. От того, взял хозяин Антипыча к себе возницей, дабы по – боле видеть красавицу. После, страстное увлечение прошло. Возница так и прикипел к барину, будто к родному сыну. Макаровна, три года назад нанялась к Гайдурецкому провожатой, по опасным лесным дорогам. Как он понимал, более ни из-за денег, а из-за великой боязни за батюшки своего. Потому за три деньги в месяц, имел купец не только двоих надежных провожатых, но и ищек с хорошим чутьем, что в людях, что в торговлишке.

– Очнись, Максим Фёдорович! – тормошила она его за плечи.

– На ко! – Макаровна поднесла к его губам деревянную фляжку и запрокинув болезному голову, влила в рот пахучую жидкость. Барин закашлялся, матерясь, отстранил флягу. Спрыгнул с обоза, нетвердо побежал к Ачипу Антиповичу.

Баба взяла под уздцы Проньку, тихо молясь, успевала класть крест щепотью, ставила в круг обоз.

Ачипа сообща вытащили из сугроба, отбив его еле живого, от озверевших волков. Левая нога его, без валенка, волочилась в сторону, оставляя на вспаханном снегу тягучий темный след. Голова болталась, что сломанная маковка. От пальцев на правой руке не было следа, вдоль рукава стекала липкая кровь. Тулуп изорван в клочья, шапка с рукавицами остались зарытыми в снегу.

Макаровна всю флягу вылила на калеку. Наспех перевязала исподним. Возницы бережно закутали старика в овечью накидку, укрыли с головой. Стали совет держать.

– Барин, до утра придется ждать. Не дадут с налета пройти окаянные!.. – сказал худосочный старичок.

– Никитка, что потупился? Али напугался? – барин тронул вьюношу за плечо.

– Не-а. Можя пронесет. – сказал неуверенно Никитка.

– «Можя и пронесет». – задумчиво передразнил барин.

– Что встали? Ружья ряди!

Никто не шелохнулся.

– Н-у-у! —нетерпеливо затащил барин.

Мужики нехотя взяли и перекрестясь, с опаской, побрели к побоищу. Поставив перед собой по факелу, прицелились: п-ф-шу-бы-ах! Жерла самопалов нестройно плюнули железом, давясь огненными искрами в едком дыму.

Макаровна, подвязав поводья лошадей к последующим санями, поспешала с обозом к мужикам. Они, на ходу повалились в сани. Волки, ненадолго отброшенные в лес, возвращались к своему дикому пиру. Никто из них не обращал внимание на изуродованные трупы сородичей, распростершихся теперь здесь же, у санной колеи. Лишь волчица провожала не пойманную добычу, пристальным взором.

Мужики притихли. Только однажды за всю дорогу, переглянулись меж собой:

– Макаровна – ни слезинки не проронила, будто Антипыч ей не батя родной, а так..! – прошептал Евсей вознице.

– Анчутка⁵, одно слово, дурная баба. – ответил Никитка и смачно плюнул в снег, дернув вожжи.

Анна Макаровна, сидя на последнем возке, бережно держала голову Антипыча. Закусив нижнюю губу крепилась, чтобы не завывать. Слезы катились и катились из закрытых глаз. Слезинки застывали на щеках, обжигая ледяным холодом. Потому глаза, теперь, заболели от мороза. Всхлипнула тихонько и осеклась. Подъезжали. Над лесом брезжила заря.

ству – не веста, союз с ней считался браком.

⁵ Анчутка – бес.

Максим Фёдорович был чернее тучи. Молчал угрюмо, думал: «Ах ты! Ах ты ж... Ну ничего! Вот поквитаемся ещё.» И стянув пришитую к тулупу соболью рукавичку, погрозил тяжелым кулаком оставшимся позади молчаливым, вековым елям.

Обоз подкатил к новёхоньким осиновым воротам. Собаки заливались частым лаем, слышно было, как в теплом сарае мычали коровы, шарахались овцы. Над кирпичной трубой хозяйского двухэтажного сруба, украшенного по карнизу витиеватой резьбой, поднимался ввысь серый дым. В воздухе пахло парным молоком, вчерашними щами и только что испеченным хлебом. Никита соскочил с саней и вприпрыжку добежав до ворот, затарабанил кулаком по струганным доскам, нетерпеливо вдыхая ароматный дух:

– Эй! Уснули что – ли, оглашенные! Отпирай, барин приехали!

За забором ожило. Сквозь щели досок виделось: мелькали темные тени, заскрипели засовы, в домиках многочисленной челяди вспыхивали огни. Заметались люди по двору. Ключница Мавра Лукинична, в белом овечьем тулупе с большим отложным воротом, тяжело спускалась с массивного крыльца. Осторожно несла дорожное тело, держась за резные перила. Освещала предрассветную мглу фонарем.

На дворе, все происходило само собой. Подбежавшие мужики отвели лошадей распрягать. Бабы кинулись к саням. В десять рук, держа овчинку, бережно понесли Антипыча в баню. Грунька, вертлявая девка, по велению старшей, притащила образа – на всякий случай, бубня: «Тьфу, тьфу, тьфу – кыш, нечистая...» Макаровну из бани выпихнула старая повитуха. Взяв под локоток, шептала тихо, напирая:

– Ты Аннушка, касатушка иди к себе, милая. Свечку под образами зажги. Помолись Господу нашему, Пресвятой Богородице, Ангелу-хранителю да Архангелу Рафаилу. Иди деточка. Нечего тебе здесь смотреть. – промолвила и аккуратно перед носом, затворила дверь предбанника.

Бобылиха⁶ пошла в свою комнатку. Зайдя в светелку, беспомощно села на сундук. Затем обессилов, медленно сползла на пол. На коленях задвигалась к образам, уставившись на них остекленевшими от слез и мороза взором, неистово крестясь: «Господи! Отче Наш...». В окне мелькнул вездесущий, цепной пес барина – Чекан.

Мужики пошли на черную кухню, отужинать. Барин выписал мужикам «по стаканчику». Лукинична вела барина к дому, тряся головой, причитала:

– Батюшки Святы, барин! Тулупчик запачкали, на плече вон дырка. Милай...

– Цыц! Пелагия где? – рыкнул барин.

– Почивает, батюшка. Вчерас из монастыря приехали с матушкой вашей и Аленушкой. Девушки в баньку сходили, чайку с пряничком откушали и почивать легли. – торопливо доложила Лукинична.

– Ладно. – ответил барин.

Добавил:

– Вели сейчас же сани за Ореховским и Бузенцовым отправить. Ох, грешные животы наши... Ну иди пока. – и взял у нее фонарь.

– Батюшка, ужин стынет, в горенке накрыто. Уважь старуху, хоть медку отведай. – тараторила ключница, хватая молчуна за локоток. Приняла в гостиную от барина тулуп.

Максим Фёдорович кивнул и закрыл за собой дверь в светелку. Лукинична понуро постояла минуту. Замешкалась чуток и побрела, шаркая валенками – отдавать распоряжения.

Шла по двору, доставая кисет красный с золотой кисточкой. Остановясь, заложила табак в ноздрю, задумалась. Никак она смекнуть не могла: «Чего это барину стряпчий понадобился? Ну дохтур то Антипычу нужен, понятное дело. А Ореховский ему на что? Уж не занемог ли? Завещание чё-ли писать будут?» Ключница звучно чихнула, зажмурившись. И... растянулась

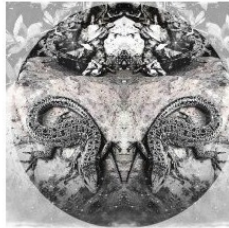
⁶ Бобылиха – вдова, одинокая женщина.

на полу конюшни. Видно молодая работница, с пристрастием отмыла его топором, обильно полила кипятком и посыпала известкой. Это в мороз – то!

– Грунька! Подь сюды, сучье отродье Я те все космы повыдергаю! Кто велел кипятку лить, дура! – орала, вставая с мясистого зада ключница. Безуспешно отряхивала необъятный подол от успевшей примерзнуть к нему, известки.

Заслышав крик, девки в птичнике закисло от смеха, прикрывая рты кулачками.

– Я тя найду! Вот я тя найду! Навечно в красильни отправлю! – охая и хромя побрела ключница к сараям, искать бедную Груньку.

II. Семья Гайдурицких

Максим Фёдорович был второй гильдии купцом. Силился, ловчил, но денег для большего размаху не хватало – то мор на скот найдет, то народец к раскольникам ватагами сбегает. Смутные времена – ни в ком нет веры и опоры.

Вот и сейчас, оставшись один думал: «Избежал неминуемой гибели да увечий, Господь миловал! А терять – то есть что. Пелагия вот, дочь единственная на выданье. Восемнадцать годков – бойкая, „кровь с молоком“, за словом в карман не ползет». Вздыхал, поминая прошлое. Мать Пелагии – Виринея, умерла, когда детёнку и года не исполнилось. По морозу мужа встречала, принарядилась без валенок-то, в сапожках – по случаю Рождества. Слегла. Быстро прибрала ее «косматая»⁷.

Дочь воспитывал сам. Грамоте была обучена, читала складно. Бог способностями не обидел, токмо неусидчива. Книги, страсть, как не любила. Все ей забавы подавай. То няне соли в кисель подмешает, то поросят за околицу выпустит, то козлят да цыплят в дом напустит. Все прощал ей отец. Но, обучение все – же строго – на первом месте было: цыфирь складывать, да отнимать. Еще множить – здесь потруднее, да книги амбарные вести.

Так и остался бобылем, не женился боле. Претила ему мысль одна: кровинушка его будет мамкой чужую тетку называть!? И опять же, ровню он себе не найдет: вдов богатых – на перечет, да и старые они. А наследство? Делить между дочкой и мачехой – он не даст! Теперь, Пелалея с ним на торги ездит, сама сделки совершает. Но капитала ей большого не доверяет – молодая, горячая. Рангу еще соблюдать не научена.

Прижавшись спиной к прогретой стенке, задумался: «Антипычу – деревеньку отписать и пять дворов, землицы еще... Ох времена дикие! Не дашь – выскочки из быдла⁸ застрашают, в отместку на жадность в спину пальнуть – это смогут! Да и не жилец, лишеник, в скорости. Ино деревеньку то, обратно заберу. Не забыть: Макаровну, дочку евойную, серебряным рублем одарить нужно – прилюдно.» Думал так и хорошо было сидеть. Тепло, блаженно. Заботы ненадолго отступили, барин прикрыл глаза.

Гайдурицкий отпускал Пелагию по святым местам, с пожилой благочестивой своей матушкой – Марьей Ивановна, девкой чернавкой, пятью бабками-приживалками и двумя дворовыми мужиками. Тогда и брал по делам купеческим Макаровну. Было у нее чутье – кто рыбу тухлую торгует, кто на цене хочет нажиться нехорошо, где ливонцы⁹ собираются без чужих глаз (вот удача) – сговориться о цене за товар. За что и держал вольнонаемную бабу. Одно плохо – не крепостная была, с норвом.

Вот Пелагию оженит, обзаведется зятьком, да и отправит Макаровну восвоеси, с глаз долой. Не любил он бестягольниц¹⁰ с характером – от них одни беды. Жалостливые больно – чутье есть, да хватки нет. С такой – не озолотишься. А ведь должна быть ему Фортуна! Верил Максим Фёдорович в свою безоговорочную исключительность и случая удобного, судьбоносного ждал.

Тихонько отворилась дверь. В комнату, не стеснясь, величаво вошла маменька Максима Фёдоровича – Марья Ивановна. Высокая, сухопарая, вся в черном. Медленно подошла к образам. «Положила крест»¹¹, направилась к окошку и чинно села в креслице, обитое серебряной

⁷ «Косматая» – Смерть (переносн.).

⁸ Быдло – презрительное обозначение крестьянской массы.

⁹ Ливонцы – жители трех областей восточного побережья Балтийского моря: Ляфляндия, Эстляндия, Курляндия (устаревшее).

¹⁰ Бестягольник – человек, не имеющий повинности, оброка – свободный человек.

¹¹ «Положить крест» – перекреститься.

парчой. Опершись маленькими ладошками на львиные головы, устремила пристальный взор на сына. Ничто бы не выдавало ее волнения, кабы не руки: бледные костяшки пальцев, скрюченные болезнью, изрезанные синими реками блуждающих вен. В моменты волнения, они предательски вздувались шишками. Видно было, как с натугой, по ним пробивается и пульсирует кровь.

От одежды старухи, за версту пахло отдушкой и дорогими духами. Дело уже привычное. Максим Фёдорович самолично выписывал их из Москвы, через местного доктора Семёна Ильича Бузинцова. Не скупился барин на эти капризы. Все потому, что поле смерти Виринеи, случился с маменькой припадок. С тех пор отказывалась она ходить в баню – боялась простыть. А белье ей переменяли по два раза на день. И еще – с тех пор, дремучая, стала хорошенько натираться уксусом – «для здоровья». Оттого всякий знал по запаху, что родительница ноне гостит у барина. В эти дни, на женской половине все говорили шепотом и ходили на цыпочках. Или вообще, старались там не появляться. Потому как бабки – приживалки дубасили клюшками каждого, кто скрипнет половицей возле светлицы благодетельницы, в обеденный час.

Мамаша нраву была крутого. Ежели что не по ее – дворовых мужиков били батогами да розгами, нещадно. А девок нерадивых – на год отдавали в красильни строгонькой Игуменье Аполлинарии, на перевоспитание.

– Что Максимушко, намаялся? – ласково, на распев, произнесла Марья Ивановна.

Максим Фёдорович равнодушно повел косматой бровью, не поворачивая головы лишь глухо спросил:

– Алёнушка как? В разуме девка?

– Слава Богу! Сторожится. Буде – лишний рот. Ты пока погоду с ней решать... Пушай до лета поживет. Она мне «смертное»¹² вышивает, а там и в монастырь отправим. А дале – как сам решишь. – ответила мать и не дождавшись ответа, встала. Плавной походкой вышла из комнаты, притворив за собой дверь. Остановилась тихонько, притаилась.

Барин схватил тарелку с куриными потрошками и швырнул в дубовую дверь, прохрипев тихонько:

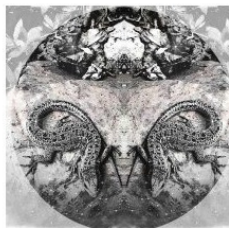
– Держи, дура старая!

Матушка расслышала. Удовлетворенно кивнула и сделав страдальческое лицо, удалилась в свои покои. Оттуда еще долго слышались причитания и старческие проклятья приживалок. Кляли антихриста – сына неблагодарного, жалостливо голосили на весь дом.

Максим Фёдорович достал из шкафа граненый стакан, налил берёзовки¹³. Выпил залпом, занюхал хлебом. Сложно было описать, что испытывал он при общении с матерью. Стукнуло ему сорок лет, а все метался он, ища и ожидая неведомого. Ничем не мог он насытиться, ни остановиться. Душа его кидалась из крайности в крайность. То пил он нещадно и шалил мордобоем в доме терпимости. То в монастырь молиться ехал. То неделями колесил по селам, незнаемо зачем. Про себя звал мать – Она. И каким-то звериным своим чутьем понимал, считает Она его слабым и нерешительным. Никогда не мог он Ей услужить. Разве было ему понять, что он в родительских руках – игрушка. Не знал и не догадывался, какие еще коварные планы были изобретены ею, ради удовлетворения ненасытной, властолюбивой натуры.

¹² «Смертное» – одежда для погребения, приготовленная пожилым человеком для своих похорон.

¹³ Берёзовка (березовица) – древнерусский напиток, известный со времен скифов. Готовился из бродящего в тепле березового сока.

III. Побирושка

Скитаясь по деревенькам и селам, свела как-то барина судьба с попом – расстригой Осипом, по кличке «Чё-дашь». Лишился он своего сана за вольные речи и крамольное толкование Евангелия. Памятуя прошлую сытую жизнь свою, любил распопка поговорить и покушать. От скуки, подобрав Осипа на дороге, привез его барин на двор старосты, в Мошки.

Подпоив побирושку, сели обедать. Оказалось, расстрига был нраву беспокойного. Сначала со всеми соглашался, потом кричал. Вскакивал с места, лез целоваться, а в другую минуту оскорблял лобзаемого и забывал об этом. Громко рыгал. Расстрига был тельца тщедушного, роста высокого, с костлявыми руками до колен. Голова – сверху приплюснута, лба у него почти не было. Высокие скулы – особенно выделялись. Больше, портили это существо – два, близко посаженных, «рыбьих» глаза. Рыжая, редкая борода делала весь образ, похожим на тощего козла.

Покачиваясь на табурете взад – вперед, помахивая зонтиком укропа выловленного из миски с солеными огурцами, дурачок разглагольствовал:

– Знаешь ли ты барин, мой дорогой, что такое человек? – «Чё-дашь» замер на мгновенье. Стул под ним перестал скакать. Не услышав от харчующихся ни слова – продолжил, мучая четыре ножки деревянного табурета:

– Это такое животное, что не способно ни к учебе, ни к просвещению. За всю свою жизнь ничему духовному оно не учиться. Только тянет лямку свою, словно осел. С рождения оно уже зловонно – больно. Ничто его не беспокоит, кроме себя, самолюбца¹⁴. Только и знает это животное, что мучиться и каяться! Само себе помочь не может, слепо верит в Бога и заповеди его. Влачит нищее существование, потому что так надо, так велит ему Единый. И не видит оно разницы между нищенством и воздержанием, веря в Пришествие, Искупление, Добродетель. И где все эти люди, скажи?

Осип остановился и послушав немного стук ложек за столом вперемешку с забористым словом проезжающего возницы, продолжил:

– Я тебе скажу – в клоаке земной, в грязи! И выбраться им нельзя. Только мы, носители мысли – Сверхлюди, можем отринуть все!.. Вскрыть этот пошлый нарыв, гной больного воображения – сердобольное Христианство. Взять все, что нам надобно без границ и предрассудков! Сжечь прошлое дотла! И возвести новое, на крови и костях старого – вот принуждение нашего Времени. А тем, кто цепляется за веру – нужно помочь сдохнуть, ибо они слабы и недостойны своего звания Людей!

Закончив свою помпезную речь, Осип торжественно порвал укроп в клочки. Они попадали на стол, в винную лужу. Сказав так – застыл, олух блаженный, скрестив руки на груди. Растянувшиеся от времени, сальные обшлага ясы, оголили тощие, в цыпках, волосатые руки.

Староста постукал расписную деревянную ложку о край тарелки, отряхивая от «своей»¹⁵ лапши. Нехотя отложил прибор, повернулся к красноречивому гостю и со всего маха ударил расстригу правое в ухо. Недовольно заметил:

– Молчи, балаболка! Бога не трож. Не велю. – и снова принялся за лапшу.

Осип слетел с табуретки в угол. Кряхтя поднялся, не с первого раза. Утирая кровавые сопли грязным рукавом, сказал упрекая:

– Правильно, бей! Сострадание ноне дорого.

Нетвердо подошел к старосте, хлопнул по спине, отпрыгнув (на всякий случай) и торжественно произнес:

¹⁴ Самолюбец – самолюбивый человек.

¹⁵ Своейская – домашняя лапша. изделие из пшеничной муки, в виде узких тонких полосок теста.

– Смело, товарищ¹⁶! Да здравствует дорогой хозяин!

Барин:

– Так ты говоришь, Бога нет? А что есть?

Расстрига встал и задрал голову, тыкнул перстом вверх:

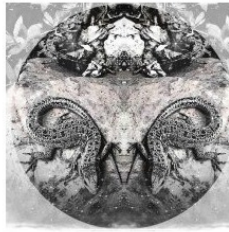
– Великое Ничто!

Староста поднялся, взял Осипа за шкурку и молча выкинул из дома. Тот отряхнулся, торопливо подбежал с улицы к окошку и заглядывая в светелку, заорал:

– Дураки! Я о свободе вашей радею, халдеи! – расстроившись, осел на завалинке. Жалобно поскулив притих, разомлев от дармового обеда.

Неделю в пьянстве и распутстве колесили барин и распопка по селам, похваляясь меж собой, кто сколько баб силой взял, кто за сколько девок купил. Выиграл барин: за четыре деньги купил у многодетной семьи девку – хороша была. От истощной безысходности, виновато, выпихнула родня из дома невинное дитё – в лапы зверям.

Позабавились «мохнорылые» вдоволь. За ненадобностью, бросили у пруда страсотерпицу¹⁷, швырнув на кровавый подол полушку. На другой день, тамошний водовоз нашел ее утопленной. На берегу лежал аккуратно сложенный девичий сарафан, на нем бечевка с оловянным крестиком, и злосчастная полушка – «на смерть».

¹⁶ Товарищ – люди, объединенные общим занятием, бытом или делом.

¹⁷ Страсотерпица – мученица, страдальца.

IV. В поисках людоморов

Узнав о бесчинстве, где – бы теперь парочка не появилась, толпа баб с коромыслами и палками, крича, бежала навстречу. Безобразники только ржали во всю глотку, но в деревни больше заезжать не решались. Полицейский десятский с сотоварищами сбились с ног, разыскивать барина для вразумления.

Сказывают, Полицмейстер – Кулебяка Радимир Ануфриевич, кричал сильно на сотского, требуя высечь негодников за людоморство. Только все зря, ибо и сам он ведал: купца второй гильдии розгами сечь закон не велит. Очень боялся Полицмейстер, как – бы из столицы не выслали к нему на помощь обыщика¹⁸, дабы прекратить бесчинства. Страшно подумать, что бы нарыл тот сыщик. Ибо, знамо – дело, власти у ищейки в Уезде нет, а виновного найти надо. Хорошо, ежели мудрый и с опытом попадетя. А кабы сынок советника какого (отправленный для выслуги), по скудоумию своему, за взятки возьметя?

Радимир Ануфриевич 56 лет от роду, дородный, кругленький, за свое дело радел. Взятки не брал, ни-ни. На расправу и суд был крутенок, но зело мудр. О чем знал весь Уезд, потому больших бед избегали. Делая наскоро объезд по близлежащим селам, рассуждал: «Господи, как же все поспеть? В распоряжении всего три человека и то, двое моих по селам шастают, беспутного распопку с купцом выискивают. Ни чешуи им ни рыбы, бесовы дети!» Остановил возок у дома, что на рогатине пучок сена был выставлен.

– Агрепинушка, ну-ка выходи! – крикнул нарочито сладким баском.

Из покосой двери вышла тетка, с намалеванными свеклой щеками. Беленая, лицом гладким, словно яичко. Улыбалась, обнажая ровные, красивые зубы. Волокла с собой босую девчушку лет восьми. Та, тащила деревянный поднос с чекушкой, веткой черной смородины и куском расстегая.

– Ой-ли, Радимир Ануфриевич пожаловал. Милости просим! – ответило намазюканное женское личико. Отвесив поклон до земли, выпихнула чадо к одноколке.

– Позалуйте откуфать, Вам ждесь жафсегда рады. – прошепелявила девчушка, глядя на дядьку бездонными зелеными глазами. У нее сегодня выпал молочный зуб, отчего теперь пришёптывала. А мамка, в утешение, дала здорovenного леденцового петуха на палочке.

Полицмейстер сурово глянул на дитёнка, спросил:

– Где зуб-то потеряло, дитятко?

– Та... – девочка неопределенно махнула рукой.

Затем, оценивающе посмотрела на дядьку, сама себе кивнула – приблизилась. Встала на «цыпочки» и посмотрев по сторонам, прикрыв с боку рот ладошкой, прошептала:

– Мамка шказывала: Бяка унеф, а леденеф офтавил. Во – палка ефть. Хофь, дам пофотать? – девочка немедленно вытащила из запазухи липкую деревяшку с остатками леденца, протянув Полицмейстеру.

Радимир Ануфриевич поперхнулся поданным «Ерофеичем»¹⁹. Откашлявшись, приходил в себя. «Бякой» его за – глаза называли лиходеи и беглые. Видать и тут без них не обошлось.

Полицмейстер силился погладить девочку по белокурой головке, та кружилась, егоза²⁰. Рассматривала шпоры на ботфортах, то медные бляшки на одноколке. Все трогала, нюхала, залезла в возок, норовив забрать вожжи.

Мать, пытаясь собрать во едино все части тела движущейся проказницы, приговаривала:

¹⁸ Обыщик – сыщик.

¹⁹ «Ерофеич» – настойка вина на травах.

²⁰ Егоза – подвижный, неутомный человек; ребенок; животное.

– Глянь, где Манька теперь. Вот я ее у оврага видала. Будет тебе «на орехи», коли в чужой огород залезет.

Девчушку, как ветром сдуло. Помчалась по лебеде сверкая пятками, не разбирая дороги – искать свою козу.

Агрепина успела умыться, повязать платочек по – скромнее. Печально смотрела на служивого. Опершись на оглоблю одноколки, заговорила ровным, приятным слуху голосом:

– Племяшка... Меня мамкой зовет. Тяжко девчонке без родителей. Унесла их чахотка триклятая. Да видно все под Богом ходим. А я что! Одна... Теперь есть кому трактир на старости оставить.

Сказала и посмотрела куда-то, в даль. Очнувшись, добавила:

– Знаю, про кого спросить приехал. Наведывались они, вчерась. Пили много. Как страсто-терпицу до смертоубийства довели, так Первачку Вершову за собой таскали. Одели в рубище кулёму дремучую и потешались, шалопуты. Сам знаешь, она баба – дрянь, блудяшка скудоумная²¹. А охальники знай свое, напоили и «серебряный» затетёхе кажут: «Танцуй, милая! Вот денежка – то она, вот!...» Докружилась михрютка, весь пол в кабаке уделала, блевака. Тьфу, страмота! – Баба плюнув, в запале шлепнула ладонью по лошадиной ляжке. Кобыла лениво лягнулась и повернувшись к бабе, оскалила потемневшие зубы.

Полицмейстер в задумчивости трогал усы. Затем достал табачку, понюхал хорошенько. Прочихавшись, спросил, отирая выступившие слезы:

– Ты, Агрепина, женщина умная. Что мыслишь, где искать лихоимцев?

Агрепина поглядывала, как девчушка пытается тащить козу за рога, машет на нее ручкой, видно уговаривает. Помолчав, для порядку, ответила:

– Распопка, тот плут трусливый, до денег падок. С теми кто при них – дружен «в другую сторону». Скопытится скоро – туда ему дорога, грабастик²². А купец теперь гдей – то отоспится и домой сбегёт, под мамкин подол. Так что жди, через пару дней объявиться. Выгниваться тебе за ними – не с руки.

Женщина натужно вздохнула и промолвила:

– Ну, некогда мне. Господь с тобой!

Перекрестила урядника и хотела было уйти. Но тот подозвал ее жестом, вложил в руку плотную бумажку, свернутую трубочкой, промолвил:

– Вот, возьми. Знаю, в пользу распорядишься. А за совет – спасибо.

Вздернув вожжи, погнал лошаденку по сельской дороге – к речке, на развилку.

Агрепина, приложив ладонь ко лбу, провожала возок пока одноколка не скрылась за подлеском. Потом, рассмотрела грамотку, прочла бегло. То было рекомендательное письмо Матушке Софье на босоногую егозу. В женском монастыре – благостном и святом месте, была школа для сироток в 4 класса, ремесельная мастерская, скотный двор, маслобойня, сыроварня, скорняжка, приют для больных.

Женщина расплакалась. Сорвала с себя платок и с возмущением воздела руки к пропавшему среди пыли и леса возку:

– Что приезжал-то? И откуда только про сиротку узнал, черт малохольный!

Обмякнув от слез, вошла во двор.

– Настён, ну где ты там? Подь сюда, помочь мне надо! – Звала надрывно через позьмо²³, в сторону сада, где паслась бестолковая коза.

Затем, войдя в трактир со двора, крикнула целовальника. Заговорила деловито:

²¹ Блудяшка скудоумная – гуляка и природная дура.

²² Грабастик – вор, грабитель.

²³ Позьмо – земельный участок в собственности. В зависимости от региона, применимо к внутренней части двора, либо к возделываемой пахоте.

– Ты уж, Сивел, пока схоронись. Вот ведь, лихие люди не угомонились. Куда ты с деньгами то государевыми, да в пасть ко зверю? Меня не будет пару дней. Тут и пережди. Закройся хорошенько. Никого не впускай – вон колотушка²⁴ на столе. А я в монастырь и обратно, слышал? Тогда, мил человек и поедешь. Покушать, да попить знаешь, где. В баньке вода налита, дрова припасены. – бухнула дверь и была такова.

Целовальник, что собирал налог на хмельное, следовал с деньгами в Уезд. Да возок поломался, задержался на постое. Теперь и вовсе на три дня опаздывал. Но государева служба беречь ценный груз обязывает, Агрепине он доверял. Как – никак пять лет с ней дела имеет. Вздыхнул и пошел на топчан за занавесочку – досыпать.

Тетка спешно заперла ворота, убрала рогатину с сеном и юркнула в дом, собирать дитяtko.

Радимир Ануфриевич трясся в возке, отпустив вожжи. Слюнявил карандаш, тыкал в памятку – зачеркивал: «Старосте предписание на ремонт дороги – через неделю проверить, да три избы покосились – подлатать. На рынке бабы огурцы торгуют ценой не по сезону – штраф передать летучему порядку. Баня в Уезде глинобитная – поправить, опять же, старосте депешу справить. Сотскому наказ дать: три хомута у извозчиков заклеить, нищего на кладбище – изловить и в приют доставить, паспорта в доме терпимости в субботу проверить. Пятидесятому – линейные насаждения берез²⁵ и на центральном бульваре – восстановить. Да, сухота теперь стоит – подвяли, видать. Взыскать недоимки с семи дворов (список чиркнул наскоро). Бабы на рынке про антихриста кричали, мол: „В городе убивец завелся!“²⁶. Нарушительниц найти, висечь пустозвонок с толком. Десятскому, как отоспится – на заборах опять дегтем матерно писано – исправить. Нарушителя отыскать и на месячишко – в казенный дом. Доколе у двора Манюни Галушкиной, собака без привязи бродит будет? Пса пристрелить. Что баба без старания и радения к закону относиться – полденьги штрафа выписать».

Закончив со списком, сверился с дорогой – лошаденка сама бежала по узкоколейке, в сторону летних дач купечества. У куркуля местного – Изи Баруха, в день светского приема украли подсвечники. Вот и мчался Полицмейстер по поручению Губернатора в субботний день, искать серебро. Знамо дело, искать долго не придется – видать в погребу у соседа и лежит. Проигрался, картежник, в Нижнем на Макарьевской ярмарке²⁶. Даже «побрякушки» полюбовницы профукал, горе – стяжатель.

Что до иродов – безобразников, сколько не пыжились власти, только и смогли, что оставить ночью околоточных из местных. А они сбегали с постов, боясь бесчинств от татей. Жители, создав дружину, бегали по лесу.

Прячась от погони, засели безбожники в крытом овине. Начался ливень, пришлось задержаться надолго. Решили здесь заночевать. Пили ол²⁷, зубоскалили тихонько.

Осип, быстро захмелев на старые дрожжи, валялся на сене. Заложив руки за голову, умиротворенно произнес:

– Ты мне, Максимушко, теперь аки брат. Я ради тебя, что хошь сделаю.

Распопка приподнялся, рыская рыбьими глазками по омету.

²⁴ Колотушка – прибор для постукивания ночными сторожами при обходе охраняемых участков. В селах, сторожами выступали сами жители, бравшие ночное дежурство – каждый двор поочередно. Мерно постукивающая ночная колотушка призывала граждан к спокойному сну. Коли стучала без умолку или вовсе смолкала – беда, на помощь! Послужило названию малого полицейского чина – околоточного (ведущего околотком).

²⁵ Линейные насаждения берез – посадки берез вдоль проселочных дорог.

²⁶ В Нижнем на Макарьевской ярмарке – Макарьевская ярмарка в Нижнем Новгороде. В течение четырех веков являлась законодательница цен внутри страны и международной торговли с Европой и Азией.

²⁷ Ол – русский напиток, схож с европейским элем. Варился подобно пиву с добавлением различных трав: полыни, хмеля, зверобоя и т. д. Иное название – «зеле».

– Не веришь? Я докажу! Вот поведай – есть у тебя мечта, настоящая, на всю жизнь? – глазопялка²⁸, настороженно задышал в темноту.

– Ну есть. – сонно отозвалось из темноты.

– Да, ты мне скажи. Я тебе секрет открою. – возбужденно шептал расстрига, подползая ближе.

– Хочу стать миллионером, что б с оранжерей дом. Лошади Хорошёвские²⁹, жена – из графьев. Дочери титл куплю, замуж выдам. Матушку навечно в монастырь... – гундосил, засыпая барин.

Осип выслушал. Потом востроился и нетерпеливо затряс Максимку за ляжку. Напугал, окаём³⁰, до икоты.

– Графиня! Слышь?.. – пьяно хихикнул распопка. Подвинулся ближе.

– Ты послушай, дурилка, верно что скажу! – Осип, дышал товарищу в ухо.

Купец насторожился.

– Слушай теперича. Кодысь я еще в чине был, причащал перед смертью купца Потапова. Знаю, в родстве вы. Так вот. Помирая, твердил он в горячке, о несметном богатстве. Про клад, что дочери своей шифирью в ящерке передал. Велел беречь ту финтифлюшку денно и ношно. Только девчонка настоящей цены ящерке не знает. Вот ежели енту статуэтку или что там оно, заполучить – вмиг разбогатеешь. – распопка почесался, хлебнул из бутылки и улегся поудобнее. Свернулся «калачиком» и засопел.

Ночью, протрезвев, Осип «ополовинил» кошель товарища и запрятал деньгу надежно – за щеку. На утро отказался ехать с купцом – сказался больным. Валялся на сене и стонал с похмелья. Барин пропажи монет не заметил. Озадаченный ночной тайной, укатил спешно домой, замаливать грехи.

²⁸ Глазопялка – любопытный (-ая).

²⁹ Лошади Хорошёвские – «кобыльи конюшни для „ремонта“ лошадей» – с XV века обозначали конный завод, в том числе царский (Хорошёвский). «Ремонтом» в те времена называли пополнение конного состава войска. Заводчики держали здесь лучшие породы лошадей.

³⁰ Окаём – отморозок.

V. Веденей

Морозным утром, к крыльцу подкатили сани со стряпчим и доктором. Хозяин еще не ложился и как есть, в рубахе, встретил гостей на пороге. После лобзаний, все разбрелись по нужным делам. Ореховский – оформить дарственную, а Бузенцов – в баню, осмотреть больного. К обеду, с честью покончив с заботами, собрались в гостевой. Болтали ни о чём, балагурили, радуясь благополучному разрешению забот. Разомлев от горячего обеда и медовухи на липовом меду, накинув тулупы – вышли в мороз. Отягощенные серебром карманы, сделали гостей вполне довольными собой. Приняв седоков, возница легонько окликнул гнедую лошадку. Та, застоявшись, помотала головой и деловито взяла рысцей, унося седоков к дальним сопкам.

В скорости после несчастья, Анна Макаровна везла Ачипа Антипыча в подаренную баринном деревеньку. Погода стояла ясная. Воздух звонкий, будто потревоженный хрусталь – напрягал слух. На снег не посмотришь – искрился от солнца. Старая, рыжая кляча, выданная Маврой Лукиничной по распоряжению барина, нехотя тянула сани по заснеженной просеке. Ели в снежных шубах спали. Изредка нарушало тишину уханье сов. По снегу в разные стороны, расходились следы зверей. Вот любимец Велеса³¹, посидел у дорожки. Сделав крюк, запетлял и скакнул в сторонку. Ищи его лиса – не сыщи. Вот и «рыжая» здесь побывала. Мышь в снегу откопала – голодно в феврале. Куница скользнула между кустов – лапки на лежалом снегу, словно монетки отпечатались. А уж сколько птичьих следов «трилистником» хожено – ни счесть. Ехала Аннушка, любовалась. Все было в радость! И чаща лесная, и зверушки, даже мороз. Батя на поправку пошел. Ой, тянулись три недельки, что он меж небом и землей пребывал, так и вспоминать тошно! Мучился, несчастный: нога сломанная опухла и посинела, культя все время кровоточила. Не чаяли, как кровь остановить. Пришлось звать кузнеца – каленым железом прижигали. Теперь уж страшное позади.

Подъезжали к Потье³², деревеньке с пожилыми староверами в пять дворов. По теперешнему – за старую веру и на дыбу можно попасть. Потому старички сторожились. Чужих не привечали и сами никого не трогали. Деваться им было некуда. Барину рыбу на продажу выращивали, раз в месяц на двор возили. На том повинность их и заканчивалась.

Деревенька стояла в низине, окруженная древним хвойным лесом. Здесь же был пруд. Прежде, на его месте, протекала речка – Красавка. Когда – то, кипела здесь жизнь: сорок дворов, детки, хозяйство. Все было. Теперь быльем заросло, тиной затянуло. Речки – кормилицы не стало и подались, бедовые, кто – куда: в скиты, да поближе к людным местам.

Макаровна остановила лошадь у последнего дома по проулку, слезла с саней. Калитки не было. Во двор, с небольшим (на две комнатки) деревянным домом, по свежему снегу – проторена дорожка. Оттуда, ей на встречу вышел рослый, плечистый, старец. Борода, седой куделькой³³ доходила до колен. Голова – белый лунь. Брови кустистые скрывали колючий, пронзительный взгляд. Без шапки, в легком сюртучке, в лаптях с оборками – словно сказочный Баян из древних песен, явился он.

Женщина поклонилась в пояс:

– Здравствуйте Вам, дедушка Веденей! Многие лета! – сказала и заробела. Веяло от старца силищей, что сердце заходило замирая. Да не той, что у бойцов в избытке, а словно «стержень» в нем был крепкий, что не у каждого человека есть.

³¹ Любимец Велеса – заяц.

³² Потья – темнота, мрак, потёмки.

³³ Куделька – кудрявый волос.

В этой деревеньке только старики и жили. Рыбу на хозяйский двор возили по – очереди. Коли пора приходила Веденею ехать – вся детвора с округи, на купеческом дворе толпилась – на дядьку бородатого посмотреть. Пока разгружали поклажу, старичок ребятне свистульки мастерил или сказки сказывал. Дворовых холопов не любил, но и по – напрасну, не притеснял.

– Не робей, не обижу. – раскатисто сказал дед. Словно мысли прочитал.

Аннушка смелее посмотрела на старца, ответила:

– Отче! Болезного привезла. Волки на нас напали, слышал небось?

– Слышал, все слышал, детонька.

Деловито подошел к саням, сунул большие руки в сено и достал из него Антипыча. Тот заволновался:

– Что ты, батюшка! Я сам пойду! Беспокойство – то какое! – загалдел болящий, пытаюсь выскользнуть из цепких рук.

Седой засмеялся, ответил:

– И я молод был, не по себе сосну рубил!

Легонько, словно куренка, понес ношу в дом.

Вернувшись, сказал Анне:

– К полнолунию приезжай проведать. Господь с тобой!

Молодка выгрузила из саней четыре корзины с провизией. Поставила перед старцем;

– Не сердчай, отче. Прими, что Бог послал! – поклонилась и взяв кобылу под уздцы, развернула сани. Подалась в обратный путь.

Веденей вернулся в дом, вошел в горенку, чуть нагибаясь.

– Ну что Ачип, чайку с травами попей.

Помолились. Откушали похлебки, да хлеба с теплым молоком. Окончив трапезу, хозяин уложил Антипыча на мягком топчане, у печки. Подушка и перина были набиты сеном и какой-то особенно, пахучей травой. Силился, болезный, припомнить и не смог. Откуда, немощному, знать, что травка та – из владений самого крымского хана Саадет Гирея III. Рута, нежно окутывала гостя знойным ароматом соленой волны, пряных садов и райской идиллии. Будила воспоминания детства о былинах, сказках и чудесах, с острова Буяна. Ачип забылся глубоким сном, поддавшись чарам тонко благоухающей розы и убаюканного умелой рукой, яда.

Веденя знал весь Уезд, уважал и боялся. Люди чувствовали в нем великое, тайное знание. Кто магом величал, кто колдуном, ведьмаком, словом волшебником. На что старичок кротко отвечал: «Коли чудес захотели, то не ко мне. Коли совет нужен, то к церковному батюшке. Ежели желаете блага, то к мужам государевым. Я лишь песчинка блаженная, вообразившая себя добрым тяглом³⁴.»

Был нелюдим и жил отшельником. Но ни один серьезный спор или вопрос, все же без него не обходился. Обратиться к нему, например, мужичек с советом, а тот лишь посмотрит внимательно, до мурашек на коже и... чудо! Сам собой, вдруг, ответ в голове неразумного рождается. Так – то. Вот и скажи теперь, кто он есть – Веденей?

Никто и не ведал, что старец – бессмертный, Посвященный во множество земных тайн со времен гибели Второй Расы. Уже забылось многое, вымыто многими судьбами и сменой вех. В то время, еще при правлении Прародителей с Сириуса Б, обучал он студентов в академии. Перед тем, как покинули землю Основатели первой династии, учрежден был совет Братства. Полное название никогда вслух не произносилось, но любой Посвященный знал его. Совет постановил: удалить от человечества Учителей и Просвещенных, поместив их в запретные чертоги, дабы не повторять более ошибок. Гибель Первой и Второй расы уже убедила звездных Родителей в том, что человек чудовищно тщеславен и не намерен воздерживаться от множества

³⁴ Тягло – животное для перевозки и пахоты. Приравнялось по ценности к корове. В случае крайней нужды, изымались у хозяев в военных целях.

соблазнов, и удовольствий. Отсутствие умеренности, не исполнение своего долга перед Вселенским Советом, явилось гибелью первого разумного их детища. И вот, надвигалась гибель Второй расы. Потому, решено было готовить и направлять к великим целям лишь избранных представителей Человечества. В печали покидали Братья несчастную Землю, раздираемую войнами, болезнями и почитанием многочисленным Богам. Люцифер довольно потирал руки, освобождаясь от сдерживающего темных Демонов, третьего небесного щита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.